

ЧЕЛОВЕК В ПРИЦЕЛЕ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17   **Человек в прицеле / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235428-1

1944 год. Хотя бои на территории СССР завершились и советские войска перешли к освобождению стран Восточной Европы, в Москве по-прежнему тревожно. Но контрразведка все так же начеку. В городе орудует немецкая диверсионная группа, которой командует предатель с позывным Феникс. Диверсанты взрывают важные объекты, убивают людей — действуют дерзко и напористо. И каждый раз им удается скрыться. Группе подполковника Максима Шелестова поручено обезвредить врага. Но как в многолюдном городе вычислить Феникса и его подручных? Помог случай. Внимание Максима привлек странный тип, «случайно» оказавшийся на месте одного из происшествий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235428-1

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

За этими стенами уже не шумели станки, не кипела жизнь производства. Суровая необходимость заставила тогда, в 1941 году, эвакуировать важные предприятия из европейской части СССР на Урал. Опустели цеха и этого электромеханического завода на окраине столицы. Завод вернется, возродится снова, когда закончится война. А сейчас только высокий забор, за которым стоят молчаливые, темные, безлюдные здания цехов и тишина.

Оглянувшись по сторонам, мужчина переложил небольшой саквояж из руки в руку и отступил к стене дома, где его не было видно. Поздний вечер, но он успеет дойти до станции метро «Сокольники». Режим светомаскировки еще действовал в Москве, и это сейчас было очень кстати. Мужчина сунул руку в карман военной шинели, нащупал пачку папирос, но закуривать не стал. Не время и не место. Привлекать к себе внимание нельзя. Услышав быстрые шаги и скрип первого снега на тротуаре под ногами, он повернул

голову. Невысокий мужчина в сапогах, в которые были заправлены брюки, в рабочем ватнике, подошел и встал рядом.

— Опаздываешь, — упрекнул своего знакомого мужчину в шинели.

— Милиционер на углу, — ответил второй. — Обойти его не было никакой возможности, пришлось ждать, когда уйдет.

— На, держи. — Мужчина в шинели протянул саквояж. — Здесь все. Подробная инструкция внутри. Ты уверен, что проберешься на территорию завода? Там безопасно?

— Там же никого нет, цеха и все помещения закрыты, только на проходной вахтер с наганом сидит, чай пьет, — криво усмехнулся мужчина в ватнике и тряхнул саквояжем. — Есть у меня туда лазейка надежная, а уж там я...

— Тише тряси, дурак! — с негодованием оборвал собеседника мужчина в шинели.

— Я что, не понимаю, — начал оправдываться второй мужчина. — Все будет в лучшем виде, не впервой же.

— Ладно, все, иди! И смотри, чтобы через два дня все было готово.

Человек в ватнике пригнулся, пошел вдоль дома и тут же исчез в темноте. Скрип снега под его ногами затих. Человек в шинели постоял немно-

го, прислушиваясь, а потом посмотрел на наручные часы. Пора. Повернувшись, он двинулся дворами на соседнюю улицу. Прежде чем выйти под арку, ведущую на улицу, еще постоял, медленно пошел вперед и снова остановился уже в арке — по улице проходил милицейский патруль. Здесь снег смели дворники, разнесли ногами многочисленные прохожие еще днем. Да и проезжая часть тоже осталась почти без снега.

— Это по какой же надобности, мил человек, вы тут стоите? — вдруг раздался за его спиной чей-то голос.

Мужчина обернулся и увидел дворника в старом пальто и сером брезентовом фартуке. Посмотрев на мужчину, дворник одобрительно кивнул:

— Вроде солидный человек, не станете безобразничать. А то ведь частенько повадятся ходить сюда по мелкой надобности, а жильцы дома потом жалуются. Непорядок.

— Да ты что, отец! — тихо рассмеялся раздосадованный мужчина. — Как же можно такое. Ты лучше, это... огоньком угости. А то спички кончились, а прикурить не у кого...

В рабочем кабинете Платова за плотно занавешенными окнами было холодно. Комиссар госбезопасности сидел за столом, накинув на плечи

шинель. Свет от большой настольной лампы освещал только стол, на котором лежал бланк радиограммы. В темном углу кабинета мерно постукивали шестеренки напольных часов. Платов, покашливая в кулак, сравнивал цифры последней радиограммы с той, которую ему принесли час назад.

— Разрешите? — На пороге кабинета возникла фигура офицера.

— Да! — Платов поднял глаза на капитана. — Ну, что у вас там с расшифровкой?

— Пока только обрывки понятий и слов, товарищ комиссар. Судя по всему, подписывается он словом «Феникс». По некоторым косвенным признакам, это резидентура разведки. Упоминание слов «сведения», «контакт», «указанные цифры» говорит, скорее всего, именно об этом. Видимо, агент просит свежие батареи для рации, бланки документов и деньги.

— Географическая привязка ведомственная? — спросил Платов, протягивая руку и забирая у капитана листок с данными по радиоперехвату.

— Пока трудно сказать с полной уверенностью, но упоминание некоторых факторов дает возможность утверждать, что агент действует все же в Москве.

Отпустив офицера, Платов посидел еще некоторое время над бумагами, потом аккуратно сложил все в папку для докладов. Продолжая размышлять о сложившейся ситуации и о том, как он будет докладывать Берии, Петр Анатольевич поднялся и аккуратно повесил шинель на вешалку, оправил складки. Во всем должен быть порядок, и никакой спешки. От спешки только вред и необдуманность поступков. Это давно впиталось в сущность комиссара госбезопасности. Обдуманность, анализ, расчет.

Когда Платов вошел в кабинет Берии, тот громко разносил кого-то по телефону. Глянув на комиссара, он ткнул пальцем в стул и продолжил разговор с кем-то из сотрудников наркомата. Интересно, что могло случиться такого, что вывело из себя Берию, подумал Платов. Нарком мог быть резок, эмоционален, но вот такие разносы для него совсем не свойственны. Да, тяжело нам всем даются эти годы войны. Люди работают на износ. Те, кто остается в живых. И кто сказал, что здесь, в Москве, работается легче. Сколько сотрудников центрального аппарата с самого начала войны просились на фронт! Бывало, и отпускали, но чаще отправляли на еще более серьезные задания. Полковник Медведев тоже просился, а в результате больше года назад его

отправили во главе разведывательно-диверсионного отряда НКВД за линию фронта. Платов лично провожал его. А потом с Фитиным они отправляли Кузнецова. Оба отдела разрабатывали эту операцию вместе.

— Ну что, есть что-нибудь конкретное? — бросив трубку на рычаг, спросил Берия.

— Третий перехват за месяц, — ответил Платов, понимая, что сейчас больше всего беспокоит наркома. — Все радиogramмы подписаны Феникс.

— Это тот, который возрождается из пепла? Птица феникс... Только пепла нам и не хватает.

— Не думаю, — возразил Платов, опять догадавшись, в каком направлении работают мысли наркома.

— Не думаешь? — Берия сурово посмотрел на комиссара госбезопасности. — А то, что уже год мы не фиксируем попыток покушения на членов правительства, старших офицеров армии, НКВД здесь, в Москве? Что, немцы отказались от диверсионной работы? Отчаялись, сдались? Может, СД скоро пришлет нам капитуляцию?

— Нет, у меня другое мнение, Лаврентий Павлович, — спокойно возразил Платов. — Диверсионную работу в Москве немецкая разведка приостановила по другой причине. Они не хотят,

чтобы вместе с диверсионной сетью мы зацепили и их резидента с позывным Феникс. Это разведка, Лаврентий Павлович. Он сидит где-то у нас очень крепко и, черпая информацию, активно действует, судя по запросам.

— Есть расшифровка? — оживился Берия.

— Наши шифровальщики бьются день и ночь, к сожалению, пока продвинулись мало, Лаврентий Павлович. Но уже ясно, что это стратегическая разведка, а не диверсионная группа.

Берия внимательно посмотрел на Платова, потом подошел к столу для совещаний и уселся напротив него, сложив руки на столе. Платов открыл папку, стал доставать листок за листком и обосновывать свою точку зрения. Берия слушал молча, даже не прикоснулся ни к одному документу. Он знал, что Платов уже все продумал, проанализировал, сделал выводы и даже продумал план действий. И в самом конце комиссар госбезопасности добавил:

— Я решил оставить пока группу Шелестова в Москве. Их задание я перепоручу другой группе, а Шелестова оставляю на «Фениксе». Сейчас у нас будет очень много работы в Москве, даже когда мы его возьмем. Немцы понимают, что война проиграна. Но самое главное, что это понимают и наши союзники. Они начнут насаждать свою

резидентуру в нашей стране и после окончания войны будут использовать все силы немецкой разведки, которую быстро приберут к своим рукам после капитуляции Германии.

Шелестов уже ждал Платова в приемной. Увидев комиссара госбезопасности, Максим Андреевич вскочил со стула, одернул гимнастерку и коротко доложил, что группа оповещена и прибудет в течение часа. Платов уже привык к этой манере командира группы прилетать намного раньше своих подчиненных, чтобы успеть понять, какого рода предстоит задание. Успеть оценить и обдумать его сложность, возможные риски.

— Заходите, раз вы уже здесь, — кивнул Платов и первым вошел в кабинет, включил верхний свет и бросил на стол папку.

Шелестов плотно прикрыл за собой дверь и подошел к столу, пытаясь понять по внешнему виду, по лицу своего начальника его настроение, мысли. Но кроме того, что комиссар госбезопасности сильно устал и спал, наверное, всего пару-тройку часов, он ничего понять не сумел. Платов часто переигрывал своего талантливого подчиненного и раньше времени не сообщал ему вообще никакой информации о предстоящей операции. Вот и сегодня Петр Анатольевич сел за свой рабочий стол, положил руку на папку,

с которой вернулся от Берии, но заговорил совершенно о другом:

— А Москва сильно изменилась за это время с начала войны, не так ли, Максим Андреевич?

— Да, — кивнул Шелестов — он тоже отмечал эти положительные изменения к зиме 1944 года. — Нет в людях напряжения, которое охватывало буквально каждого в июне 41-го, и потом, когда немцы прорвались к самым окраинам, когда шла эвакуация. А теперь салюты в честь побед, празднование Нового года, Первомая, 7 ноября! Наш народ не сломить! И наши враги должны это знать!

— Да, враги, — как-то странно произнес Платов, и его лицо сразу сделалось смертельно усталым. — Вот и день Великого Октября отпраздновали... А на душе как будто сорок дней по русскому обычаю — поминаем своих товарищей. 5 ноября, 7 ноября, сорок дней назад одному нашему товарищу, погибшему еще весной за линией фронта, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. А другого нашего товарища казнили в недружественной нам стране. Он погиб на своем боевом посту как разведчик, который сделал все, что было в его силах и даже выше его сил, для нашей страны! Мы теряем товарищей, и это неизбежно, через это приходится проходить.

— Наше задание будет за линией фронта, за кордоном? — спросил Шелестов.

— Нет, я всего лишь хотел предложить вам помянуть наших товарищей. — Платов поднялся, подошел к шкафу, достал оттуда бутылку коньяка и две рюмки...

Группа прибыла через двадцать минут, и Платов сразу перешел к информации по делу Феникса. Оперативники слушали молча. Все вопросы, которые могли возникнуть, Платов задавал себе сам и тут же давал на них исчерпывающие ответы. В том числе и о том, что группа Феникса, скорее всего, разведывательная. Сам резидент имеет доступ к информации на очень высоком уровне, и поэтому вряд ли это целевая резидентура. Наверняка сеть разветвленная, которая работает на собственное обеспечение. Перебрасывать через линию фронта, а тем более в Москву, все необходимое для работы сети сложно, практически невозможно. Пришлось бы тогда вагонами гнать все необходимое. Значит, группа имеет возможность подпитки на местном материале.

— Я не думаю, что они получают доходы еще и от банальных ночных грабежей, — усмехнулся Шелестов. — Но все же легальных доходов у них не может быть, значит, следует искать нелегаль-

ные. На что-то ведь надо жить, давать на лапу, спаивать нужных людей и все такое прочее.

— И не забывать, что для отвлечения внимания они могут пойти и на незамысловатые диверсии, — вставил Буторин. — Они же тоже понимают, что разведка должна прикидываться травинкой и никак не привлекать к себе внимание. А любая, пусть самая маленькая или даже не совсем удавшаяся диверсия — это отвлечение, перенацеливание наших оперативных сил. Разумеется, они не станут размениваться и рисковать, чтобы готовить покушение на первых лиц страны или армии.

— Согласен, — кивнул Коган. — Нужно будет внимательно присматриваться и тщательно анализировать все нестандартные агрессивные акции, плотно работать с московской милицией, а особенно с уголовным розыском, возможно, и проверять уже задержанных ими свидетелей, когда возникнут подозрения.

— Позвольте спросить, — нарушил наконец молчание Сосновский, разглядывая с ленивым видом ногти на своей правой руке. — А что дает радиоперехват? Есть расшифровка?

— Нет, Михаил Юрьевич, — чуть поморщился Платов. — Будь у нас расшифровка, разговор бы шел от текстов.

— Ну да, — охотно согласился Сосновский и посмотрел на Платова, а потом на Шелестова самым невинным взглядом. — Значит, придется связываться с подмосковными частями ПВО, постами ВНОС и анализировать пролет каждого прорвавшегося в район Москвы вражеского самолета. Не поездом же будут переправлять им батареи для рации, бланки документов, деньги. Кстати, мы можем получить свежие изменения требований к заполнению воинских документов сопровождения, командировочных, хозяйственных и иных документов? Они могут и не успеть с внесением изменений в свои бланки, которые будут пересылать сюда.

— Обязательно получите, — пообещал Платов, и тут на его столе зазвонил телефон.

Комиссар госбезопасности слушал, чуть приподняв густую бровь. Потом задал несколько уточняющих вопросов о том, где произошло, кто сообщил, наличие свидетелей, кто выехал. И, положив трубку, внимательно посмотрел в глаза каждому из оперативников.

— Говорите, придется интересоваться всякими странными мелочами из сводок уголовного розыска? Пожалуйста: взрыв на территории радиотехнического завода. Это в районе станции метро «Сокольники». Цеха стоят пустые, производство

было эвакуировано на Урал еще в 1941 году, и большая часть территории пустует. Берите мою машину и выезжайте.

Группа Шелестова прибыла к проходной завода, когда там уже стоял автобус с оперативной группой из МУРа и два грузовика с солдатами из состава московского гарнизона. У проходной дежурил боец с автоматом на груди, возле машин курили два милиционера. Один из них бросил окурок и бегом кинулся навстречу подъехавшей машине. Шелестов сунул старшине под нос свое служебное удостоверение и спросил:

— Кто тут старший, кто командует?

— Майор Кондратьев из городского управления, — отрапортовал старшина. — Он и солдат вызвал для оцепления. Сейчас там кинологи работают и саперы. Есть опасения, что остались еще взрывоопасные предметы.

— Проводите нас, старшина, — приказал Шелестов.

Место, где произошел взрыв, было видно издалека — в узких окнах старого цеха, расположенных под самой крышей, мелькали отблески огня. Там что-то продолжало гореть, и пахло горелой мокрой древесиной. Вокруг цеха ходили солдаты

и люди в гражданской одежде с фонарями, осматривая землю под ногами. К воротам цеха вели рельсы от самого кирпичного заводского забора. Один из мужчин, одетый в кожаную куртку и меховую коричневую кубанку, подошел и коротко представился:

— Майор милиции Кондратьев, МУР.

— Подполковник госбезопасности Шелестов, — протянул руку Максим и пожал крепкую ладонь оперативника. — Кто сообщил о происшествии? Что удалось установить?

— Сообщил вахтер охраны, — кивнул в сторону проходной Кондратьев. — Он не видел вспышки, а услышал взрыв в этой части территории. Цех от проходной не видно.

— Он сразу вам позвонил в ГУВД? — спросил Буторин, глядя, как работают кинологи.

— Нет, в пожарную охрану, но те стали спрашивать и быстро выяснили, что признаков возгорания не наблюдается. Сообщили нам, ну а мы действовали по инструкции военного времени. Если звук взрыва, значит, надо привлекать подразделения московского гарнизона. В цех пока не заходили, вас ждали, ну и обследовали территорию вокруг на предмет возможных взрывоопасных предметов и следов преступников.

— Боря, займись вахтером, — тихо сказал Когану Шелестов, а потом повернулся к Буторину: — Витя, посмотри заводской забор.

Саперы доложили, что взрывчатых веществ не обнаружено, и собаки, натасканные на взрывчатые вещества, ведут себя спокойно. Рельсы подходили к воротам, ведущим в цех. Шелестов остановился вместе с Сосновским и подождал, когда прибежит лейтенант-сапер.

— Товарищ подполковник, все двери, которые ведут в склады и в раздевалки для рабочих, закрыты на замок. Следов взлома мы не обнаружили. Осматривали вместе с милицией. В эту кирпичную пристройку ангара доступа нет. Только вот через эти ворота, точнее, через дверь в воротах. Видите, она немного приоткрыта.

Сапер навел луч фонаря на железную дверь. Она действительно оказалась неплотно закрытой. Горелый запах доносился из цеха, но признаки горения уже исчезли. Сапер предложил самый простой и эффективный способ, чтобы проверить, не опасен ли вход в цех через эту дверь. Кондратьев только пожал плечами, показывая этим, что он все понимает, дело теперь ведет НКВД, и с него спроса нет. Шелестов кивнул, и все отошли на безопасное расстояние. Лейтенант с усатым сержантом осмотрели с фонариком

дверь, потом привязали прочный шнур к ручке и отошли, разматывая шнур за пустую емкость из толстого металла.

Все присели на корточки, ожидая взрыва. Заскрипели ржавые петли, дверь поддалась и стала приоткрываться. Ничего не произошло. Сержант-сапер бегом сменил позицию, чтобы продолжить открывать дверь. Снова напрягся шнур, снова заскрипели петли, и дверь открылась почти полностью. К дверному проему подошли саперы, потом кинолог с собакой. Неожиданно спокойный пес вдруг залаял на что-то внутри, подняв дыбом шерсть на загривке.

— Что там? — спросил Шелестов. — Почуял взрывчатку?

— Нет, — покачал кинолог головой и навел луч фонаря на что-то темнеющее на полу. — Это не взрывчатка, но тоже неприятно...

Уже совсем рассвело, и можно было обойтись без фонарей. Буторин, сидя на заднем сиденье за спиной милиционера, медленно ехал вдоль заводского забора. Несколько раз он просил остановиться, подходил к стене, осматривая подозрительные места. Но каждый раз это была или старая трещина в кирпичной кладке, или прошлогодняя куча листьев, которую намело к забору, а потом запорошило снегом. А когда

они подъехали к железнодорожным рельсам, которые уходили на территорию завода, исчезая за железными воротами, Буторин похлопал милиционера по плечу, чтобы тот остановился, и, присвистнув, сказал:

— Возвращайся, браток, назад и позови на территории завода своего начальника. Пусть с той стороны подойдет к этим воротам.

Сделано все было кустарно, но, учитывая, что с этой стороны забор завода выходил на пустырь, через который была проложена железнодорожная ветка от ближайшей станции, стараться более тщательно скрывать этот лаз, наверное, смысла не имело. Первое, на что Буторин обратил внимание, как только бросил взгляд на ворота, сидя на мотоцикле, это то, что деревянный щит, грубо сбитый из обрезков досок, не покрыт снегом, хотя к воротам и к кирпичному забору снега намело во время последнего снегопада достаточно, а железный лист одной из створок сильно помят.

Присев на корточки, он понял, что не ошибся. Осторожно наклонил на себя деревянный щит, убедившись, что тот собран из тонких досок и совсем не тяжелый. А вот под щитом его ждал сюрприз, на который он и надеялся. Угол листа был отогнут, очевидно, ломом. Когда-то, еще несколько лет назад, ворота помяли чем-то

тяжелым. Может, машина задела, может, маневровый паровоз или товарный вагон. Но во время удара сварка отлетела, и лист оказался отделенным от рамы ворот. Его подправили, а вот снова приварить не успели. И вот кто-то воспользовался этим, отогнув лист и устроив себе лаз на территорию завода. А чтобы он не бросался в глаза, на всякий случай его прикрыли щитом.

— Ого! — раздался за воротами голос Кондратьева. — Вот так он и пробрался на завод!

— Он? — задумчиво переспросил Буторин. — А может, и они. А может, и не пробрался, а регулярно пробирался и этим же путем возвращался в город.

— А что там с той стороны? — снова спросил майор.

— Вот этот деревянный щит. Ну-ка, попробуй, сможешь его, находясь по ту сторону ворот, сдвинуть, чтобы прикрыть лаз?

Буторин сдвинул щит в сторону, а лаз оставил свободным, чтобы через него можно было проникнуть внутрь. Кондратьев встал на колени и двумя руками легко сдвинул щит изнутри, закрывая проход. Он даже поставил его немного под наклоном, чтобы его не уронило порывом ветра. Получалось, что кто-то устроил себе надежное место для каких-то дел на территории эвакуи-